

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы

Р. Павиленис. Смысл и идентичность, или Путь к себе / пер. с лит. Р. Чичинскайте. – Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2013. – 242 с.

А.Л. НИКИФОРОВ

Литовский философ и логик Роландас Павиленис приобрел широкую известность в Советском Союзе после выхода в свет на русском языке его книги «Проблема смысла» (М.: Мысль, 1983). Сейчас мы получили возможность познакомиться с новой и, увы, последней книгой этого оригинального и интересного мыслителя.

Книга довольно сильно отличается от обычных философских монографий: это не завершённое исследование какой-то отдельной проблемы или темы. По манере изложения она напоминает стиль позднего Л. Витгенштейна. При чтении возникает впечатление, что автор вдруг обнаружил, как много неясного, проблематичного, нерешённого в тех областях философии, которыми он всю жизнь занимался, как несовершенны те концепции, которые он принимал, с которыми соглашался, и он задает себе и читателю вопросы – множество самых разнообразных вопросов. На многие из них автор отвечает, и его ответы складываются в довольно последовательную концепцию мира, языка, познания, личности. Можно сказать, что книга выражает взгляд автора на мир и человека – тот взгляд, к которому Павиленис пришел в конце жизни и который столь же оригинален, как оригинальна личность самого философа.

Павиленис строит свою метафизику, опираясь на логическую семантику и философию языка. Исходным для него является понятие знака, но при этом знак он трактует необычно и предельно широко: все предметы, все объекты мира являются знаками. «Объекты, – пишет он, – определяющие себя, очерчивающие себя, так или иначе выделяющие себя из окружающей среды, или объекты, которые мы определяем, очерчиваем их границы, выделяем, различаем, являются *знаками окружающего мира* или *знаками-объектами мира*, т.е. они *дают о себе знать* или мы *придаем им значение, значимость, наделяем их значением*. Таким образом, они становятся *значимыми для нас* – объектами, приобретающими-для-нас-значение» (С. 57). Всякое выделенное из окружающего фона нечто является зна-

ком — *знаком-меткой*, говорит автор, ибо выделенный объект чем-то отмечен, чем-то отличен от своего окружения и может быть интерпретирован.

Среди знаков-меток выделяется класс знаков-репрезентантов — знаков, которые являются знаками каких-то других предметов, т.е. знаков в обычном истолковании этого понятия. К этим знакам-репрезентантам относятся и знаки языка: «Среди знаков-объектов, с которыми сталкивается и которые осмысляет индивид, субъект конкретной языковой системы, ее носитель, есть и *языковые знаки* — произносимые или записываемые звуки, буквы, слова, предложения и построенные из них тексты. Такие знаки — как и другие знаки-объекты мира — это прежде всего знаки-метки. На них распространяется все то же самое, что касается других знаков-меток: они определенным образом — как звуки или письменные знаки — выделяются в мире, в пространстве и во времени, *обозначаются, проявляются* и поэтому, как и другие знаки-метки, *имеют значение* независимо от того, понимаем мы их или нет. (Библиотеки, фонотеки, видеотеки, современные электронные носители информации как хранилища таких знаков-меток.)» (С. 65).

Все эти знаки — вещи и явления окружающего мира, предметы культуры и искусства, языковые выражения — могут быть поняты. Что значит понять какой-то знак? Это означает придать, приписать ему смысл: «Рассуждая о наделении значением, или осмыслении знаков-объектов как об их выделении, мы движемся к истокам *понимания*, устанавливаем прзначение, или прасмысл, *понимания*. В этом глубинном прасмысле *осмыслить, наделить смыслом* и означает *понять... Понять* равно *осмыслить, наделить смыслом* — это и есть глубинный смысл слова “понять”. Он неотделим от глубинного смысла слов “объяснять”, “прояснять для себя”, т.е. “делать ясным для себя”, “интерпретировать» (С. 58). В русском языке слово «понять» имеет два основных значения: 1) понять — значит раскрыть, обнаружить, усвоить смысл и 2) понять — значит истолковать, интерпретировать, придать смысл. При первом истолковании мы исходим из того, что знаки-объекты уже имеют смысл, и в процессе понимания мы лишь обнаруживаем, узнаем, раскрываем для себя этот смысл. Скажем, художник в своей картине стремится выразить какие-то мысли и чувства, которыми он руководствовался, создавая свое полотно. Стараясь понять его произведение, мы пытаемся раскрыть для себя те мысли и чувства, которые вложил в свое произведение автор. Но можно подходить к живописному полотну как к пятнам краски на холсте и наполнять их собственными мыслями и чувствами, интерпретировать, истолковывать эти пятна как изображение пейзажа, человека и т.п. Павиленис истолковывает понимание во втором смысле — как наделение смыслом бессмысленного материала.

В процессе понимания мы придаем, приписываем смысл окружающим вещам, явлениям, языковым выражениям. Но откуда мы черпаем эти смыслы? И вот здесь мы подходим к центральному понятию концепции Павлиниса — к понятию *смысловой, или концептуальной системы*.

В самом первом приближении можно сказать, что смысловая система — это духовный мир человека. С точки зрения семантики, этот мир состоит из разнообразных конкретных и абстрактных образов реальных, идеальных, воображаемых, существующих и заведомо несуществующих объектов. Эти образы, или смыслы взаимосвязаны — каждый элемент связан со всеми остальными смысловыми элементами. Поэтому мы имеем дело со *смысловой системой*, а не с простой совокупностью смыслов.

Эта смысловая система субъективна — у каждого человека своя, уникальная смысловая система. Она до некоторой степени является врожденной или унаследованной: «Есть эмпирические и логические основания для утверждения, что смысловые системы, по-своему осмысляющие знаки-объекты мира, появляются еще до знакомства со знаками естественного языка. Индивид — субъект смысловой системы, ее носитель — уже в этот довербальный период своей экзистенции, опираясь на свое семантическое наследие и сталкиваясь с объектами-знаками мира, начинает создавать некую самобытную онтологическую картину мира — основу для ориентации в окружающей среде, мире» (С. 68). Сталкиваясь со знаками-объектами окружающего мира, индивид приписывает им смысл, извлекая его из своей смысловой системы. Это относится и к языковым выражениям: «...языковые знаки... представляют собой *знаки знаков*, которые интерпретируются в той же самой общей смысловой системе индивида. Знаки-объекты мира — в том числе и языковые знаки — являются знаками или становятся знаками не потому, что они сами по себе репрезентируют другие знаки-объекты, но благодаря смыслам, которые мы им приписываем, интерпретируя такие объекты» (С. 69).

Смысловая система включает в себя верования, мнения, знания индивида, его ценности и идеалы. Она создает тот мир, в котором живет и действует человек. Понимание знаков-объектов означает включение их в смысловую систему индивида посредством приписывания им некоторого смысла из этой системы: «...понятый смысл всегда есть *приспособленный к нам* смысл, т.е. смысл *для нас*. Если мы не можем понять текст, это означает, что он нам ни о чем не говорит, он является чужим для нас» (С. 118). Всякое языковое выражение, всякий текст — если они осмысленны, — всегда принадлежат какому-то субъекту, который и придает им смысл: «Текст, независимо от природы его знаков, не является ни осмысленным, ни бессмысленным, он просто есть или его нет. Текст становится осмысленным только по отношению к конкретной смысловой системе» (С. 113). Отсюда следует, что всякий текст приобретает смысл только тогда, когда его кто-то создает или кто-то воспринимает. Нет текстов без автора или читателя. Это приводит автора к интересной мысли о том, что так на-

зываемые экстенциональные тексты всегда интенциональны, т.е. всегда являются *чьими-то* текстами. Предложение «Земля вращается вокруг своей оси» следует читать так: «Коперник утверждал, что Земля вращается вокруг своей оси», т.е. это предложение, выражающее мнение. При таком истолковании языка сразу же нарушаются все принципы отношения именования, сформулированные еще Г. Фреге, и логическая семантика лишается своего основания.

Завершает построение Павилениса рассмотрение им человека и решение вопроса о самоидентичности индивида. В соответствии с распространенной традицией, выделяющей в человеке тело и душу, мозг и сознание, физическое и психическое, Павиленис также говорит об индивиде как о некотором биологическом организме. Но вот сознание человека он представляет в виде семантической системы. Каждый человек оказывается субъектом индивидуальной смысловой системы. «Такие субъекты, учитывая их происхождение и статус в смысловой системе, мы можем называть *семантическими субъектами*, условно отграничивая их от *физических субъектов*: вместе они определяют то, что мы называем *индивидами*. Понятие *индивида* в излагаемом аспекте охватывает *нечто единое (целое)*, которое составляют *семантический и физический субъекты*» (С. 168). Итак, индивид — это некоторая целостность, состоящая из физического и семантического субъектов. Теперь встает вопрос: на каком основании можно говорить о тождестве некоторого индивида самому себе? Иначе говоря, что дает нам право считать какого-нибудь Федора Ивановича одним и тем же человеком?

Легко понять, что с физической стороны наш Федор Иванович очень сильно изменяется на протяжении своей жизни: младенец — мальчик — юноша — взрослый — пожилой — старый человек. Меняются клетки его тела, внешний облик, физические способности и т.д. Пожилой Федор Иванович не имеет, кажется, ничего общего с тем младенцем, которым он когда-то был. Тем не менее мы считаем его одним и тем же человеком. На каком основании? Павиленис указывает на два основания. Прежде всего, тождество биологического организма обеспечивается полученным от родителей набором генов: «...физический субъект обладает идентичностью потому, что он генетически тождествен: изменения, происходящие в нем, ведут свое происхождение от *той же самой* первоначальной программы (восходят к ней), к тому же самому первоначальному проекту, несмотря на воздействие со стороны семантического субъекта или других *знаков-объектов реального мира* на дальнейшее развитие физического субъекта» (С. 169). Второе, что позволяет нам отличить Федора Ивановича от всех других индивидов, несмотря на все трансформации его физического облика, это его имя: и младенец, и старик носят одно и то же имя, данное при крещении, что и позволяет нам говорить о них как об одном и том же индивиде. «Итак, шкалу, которая позволяет говорить об идентичности физического субъекта, обрамляют, по крайней мере, две точки,

расположенные по краям: *генетическая идентичность и идентичность, приобретаемая согласно маркировке, наименованию, крещению, т.е. согласно присвоению знака, символа — имени, описательного наименования*» (С. 174).

Еще большие изменения с течением времени претерпевает смысловая система индивида. Сталкиваясь со знаками-предметами внешнего мира, с другими людьми, приобретая знания, впитывая культуру своего времени, субъект расширяет, уточняет, пересматривает или отбрасывает те или иные элементы своей смысловой системы. По сути дела, каждое новое впечатление что-то изменяет в смысловой системе. Что обеспечивает ее единство? Что позволяет говорить, что это одна и та же смысловая система, что это один и тот же семантический субъект? — *Память*, отвечает автор. «И все-таки остается место для утешения. Это место называется памятью, которая является неотъемлемой частью концептуальной системы: мнения и знания, сохраненные в смысловой системе, точнее — *мнения и знания о сохраненных в смысловой системе мнениях и знаниях*. Именно мнения и знания об оставшихся в смысловой системе, сохранившихся в ней, проницаемых для семантического субъекта или непроницаемых прежних мнениях и знаниях, прежних картинах мира и своей собственной картины в прошлом и есть то, что позволяет говорить о семантическом субъекте самом по себе, т.е. о разных... семантических субъектах, нитью *памяти* связуемых в единое целое, которое условно является тем же самым семантическим субъектом, тем же самым индивидом» (С. 180).

Стоит обратить внимание на слово «условно» в приведенной цитате. Хотя Павиленис много говорит о генетической программе, об имени, о памяти как обеспечивающих тождество индивида, на самом деле для него этого тождества нет. Вообще говоря, представление о тождестве индивидов является фундаментом всех наших общественных отношений, морали и права, коммуникации и деятельности. Когда сегодня, приходя на работу, я здороваюсь с коллегами, то рассматриваю их как тех же самых людей, с которыми прощался вчера. Хотя я знаком с Федором Ивановичем вот уже 30 лет и он, конечно, изменился за это время, я вижу в нем одного и того же человека и испытываю благодарность к нему сегодняшнему за ту любезность, которую он оказал мне три года назад. Вот такое представление о тождестве индивидов Павиленис называет «*фундаментальной догмой нашего мышления*» (С. 190). Действительно, индивид поел, попил — изменился физически; прочитал газетную статью — изменилась его смысловая система. Он постоянно изменяется и внешне, и внутренне, поэтому когда человек произносит местоимение «я» или имя «Федор Иванович», то это местоимение, это имя относятся лишь к его состоянию в данный момент. Никакого тождества личности для Павилениса нет.

Таково, в общих чертах, построение литовского философа.

Хотя в книге чувствуется влияние позднего Л. Витгенштейна, С. Крипке, Д. Льюиса и других англо-американских аналитиков, можно сказать,

что автору удалось создать оригинальную, стройную философскую концепцию, заслуживающую внимания всех, кого интересуют вопросы логической семантики, философии языка, аналитической философии. Конечно, она требует уточнения и доработки: не вполне ясным осталось важнейшее для автора понятие смысла; не очень понятно, как возможны коммуникация и взаимопонимание, если каждый индивид вкладывает в слова и вещи свой собственный смысл; автор ни слова не говорит о том, какое влияние оказывает общество на формирование и изменение смысловой системы индивида, кажется, что его индивид — как некий Робинзон — в одиночку противостоит миру и его знакам-объектам. Это не упрек автору, он и так сделал достаточно много, это те проблемы, которые хотелось бы обсудить с ним в дружеской беседе. Очень жаль, что это уже невозможно.

И все-таки один упрек или, скорее, печальное недоумение я хотел бы высказать. Автор обнаруживает весьма обширную эрудицию, и библиография к книге содержит около 200 названий на разных языках работ, которые он использовал, на которые опирался. Странно, что в этой библиографии не нашлось места ни для одной работы российского автора. А ведь Роландас Павиленис был знаком со многими из нас, вместе с нами участвовал в многочисленных всесоюзных и международных конференциях, кое с кем находился в дружеских отношениях. И он прекрасно знал, что над теми же проблемами философии языка, логической семантики, лингвистики работали Е.Д. Смирнова и Е.Е. Ледников, Г.А. Брутян, В.В. Целищев, В.Н. Карпович, В.В. Петров и многие другие советские философы; что в организации советско-финских конференций большую роль играл В.А. Смирнов; что с философами тесно сотрудничали лингвисты Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова. С работами многих из этих авторов он наверняка был знаком. Остается лишь пожалеть о том, что в чистую сферу философского исследования иногда проникают не вполне уместные политические мотивы.